

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Годъ XXI. — № 9 — 26 Февраля 1906 г.

Въ годъ 52 №№ журнала „РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“, 12 книгъ и особыя приложения.

Подписная цена на годъ безъ доставки въ Петербургъ 5 р., съ достав. по всей Россіи 6 р., на посылку 3 р., на телеграфъ 50 к. За границу 10 р. Отдѣлн. №№ 10 к. Объявленія для напечатанія въ журналъ принимаются съ платою по 40 коп. за мѣсто, занимаемое одною строкою контуромъ въ 2 1/2 ширины страницы.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Русскаго Паломника“ — С.-Петербургъ, Стрѣмянная, № 12, собств. домъ. Городские обращаются въ отдѣленіе конторы: Невскій просп., д. № 96, утѣла Надеждиной-Козл.

Каждый новый подписчикъ получаетъ въ уже вышедшіе въ 1906 году №№ журнала со всеми приложениями.

За перемѣну адреса городского на иногородній, или иногородняго на городскую, взимается 50 коп. — городского на городскую или иногородняго на иногороднюю — 20 к. Необходимо прилагать прежній печатный адресъ.

„Русскій Паломникъ“ одобренъ въ мѣсто жительства.

ЯВЛЕНІЕ СВ. АРСЕНІЯ ТВЕРСКАГО ИНОКУ САВВАТІЮ.

Рисунокъ Н. Адамовича.—Къ стр. 130).

„Печаль по Бозѣ“.

(Изъ сочиненій св. Тихона Задонскаго).

Печаль, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ.
(2 Кор. VII. 10).

МОГИЕ христіане, пришедши въ сознание своихъ грѣховъ, которыми прогнѣвали Бога, жалѣютъ и ескрушаются не ради иной какой причины, какъ только ради того, что они будутъ осуждены на мученія, грѣшникамъ уготованныя. Эта печаль происходитъ отъ самолюбія, какъ это всякій можетъ видѣть: они жалѣютъ о погибели *своей*, а не о Бозѣ, грѣхами ихъ разгнѣванномъ и оскорбленномъ.

Такіе люди, если бы не страшились наказаній въ послѣдующей жизни и если бы возможно имъ было во вѣки жить въ мірѣ и всегда грѣшнить, никогда бы не оставили грѣховъ своихъ. Ибо отстаютъ они отъ грѣховъ не ради Бога, но ради страха своей погибели.

Такъ познается неправость сердца, самолюбіе и лукавство.

Мы должны все ради Бога творить, уклоняться отъ зла и творить добро. Какъ Богъ все въ нашу пользу творить, такъ и мы должны все во славу Его творить. Сокрушеніе о грѣхахъ только ради страха геенны сокрушеніе не истинное: отъ христіанина требуется лучшее и совершеннѣйшее.

Можетъ и такая печаль быть началомъ истинной печали по Бозѣ, ибо таковымъ страхомъ человѣкъ можетъ возбудиться и познать свое заблужденіе и такимъ образомъ придти къ печали по Бозѣ,—такимъ примѣровъ достаточно въ исторіи церковной,—но назвать это истинною по Бозѣ печалю невозможно.

Иное дѣло печалиться о себѣ и своей пагубѣ, и иное по Бозѣ, грѣхами обезчещенномъ и разгнѣванномъ. Истинное сожалѣніе и печаль по Бозѣ въ томъ состоитъ, чтобы христіанинъ сокрушался и жалѣлъ не ради лишенія вѣчной жизни и послѣдующихъ въ адѣ казней, но ради того, что онъ Бога, Создателя, Искушителя и Промыслителя своего,—Котораго долженъ паче всего почитать, любить и слушать,—не почиталъ, не любилъ и не слушалъ.

Богъ истинная печаль по Бозѣ, и объ этомъ должно печалиться христіанину.

Имѣющій такую печаль, хотя бы и вѣчнаго живота и геенны не было, будетъ печалиться, плакать и стыдиться грѣховъ своихъ. Душа, сокрушаемая такою печалю, всякую обиду, отъ ближняго нанесенную, съ радостію проститъ; все противное и горькое, въ мірѣ семъ приключаящееся, усердно претерпитъ; и всего, — какъ временнаго, такъ и вѣчнаго, — наказанія достойною себя признаетъ, помня, что какъ нѣтъ ничего большаго и лучшаго паче Бога, такъ нѣтъ такой казни, которая достойно показала бы оскорбленіе и безчестіе величества Божія.

Такая печаль отъ любви происходитъ и есть истинная, христіанская, праведная, по Бозѣ печаль. Такая

печаль, безъ сомнѣнія, получаетъ отпущеніе грѣховъ, сколько бы ихъ ни имѣлъ человѣкъ,—получаетъ же ради неизреченнаго человеколюбія Божія и пресвятой крови Христовой. Кто имѣетъ такую печаль, тотъ причисляется благодатію Христовою къ сынамъ Божиимъ, которымъ уготовано наследіе вѣчной жизни.

Сынамъ свойственно печалиться за оскорбленіе отца своего, а не за страхъ наказанія.

Разсуждай же, христіанинъ, какую печаль въ сердцѣ твоемъ имѣешь печаль: по Бозѣ или печаль изъ-за страха? Каковъ ты въ сердцѣ твоемъ, таковъ и предъ Богомъ, Который, какъ всякое сердце, испытуетъ и видитъ, такъ всякому по сердцу и судитъ. Что имѣетъ въ сердцѣ у кого имѣется, то въ день судный явится, по слову апостола: *Господь во свѣтъ приведетъ тайныя твѣя и объявитъ созвѣстныя сердечныя* (1 Кор. IV. 1).

И печаль и ради страха геенны полезна, чтобы не впасть въ геенну. Потому-то и въ Писаніи Святомъ какъ вѣчная жизнь, такъ и геенна, отъ человеколюбиваго Бога объявлена намъ, чтобы побѣждать геенны и наследовать жизнь вѣчную. Страхъ покаянія имѣютъ и святые Божіи. Но этотъ страхъ они побѣждаютъ вѣрою и молитвою и при томъ печалятся и жалѣютъ болѣе всего о томъ, что ради немощи плоти не могутъ угодить волѣ Божіей такъ, какъ требуетъ слово Божіе. Эту печаль и намъ, христіанинъ, имѣть и искать въ сердцѣ нашемъ должно. Возревнуй же о печали по Бозѣ, помня, что она ведетъ тебя ко спасенію.

Св. Арсеній Тверской.

(Память 2 марта).

РОДИТЕЛИ св. Арсенія были люди благородные и благочестивые. Съ самыхъ раннихъ, младенческихъ лѣтъ они направляли мысль своего сына къ Богу, воспитывали въ немъ доброе сердце, чуткую, возвышенную, благородную душу. Богатство дало имъ возможность окружить Арсенія всеми благами жизни. Но сѣмя добра и благочестія глубоко запало въ сердце мальчика и не дало развиваться въ немъ привязанности къ благамъ міра и соединеннымъ съ ней высокомерію, гордости. Безконечно превосходя своихъ сверстниковъ во всехъ отношеніяхъ, онъ никогда не кичился предъ ними своими превосходствами а, наоборотъ, смирялся, стараясь быть полезнымъ имъ въ хорошемъ. Нерѣдко обращался онъ къ своимъ родителямъ съ просьбой дать ему и некоторую часть денегъ, чтобы помочь своимъ товарищамъ. Родители никогда не отказывали ему въ этомъ, но другіе родные не одобряли юношу, боясь, что по смерти стариковъ онъ раздастъ собраннаго его родителями богатства.

Дѣйствительно, Арсеній смотрѣлъ на богатства, какъ на препятствіе на пути ко Христу. Душа его всегда равняла къ Богу, и на все онъ смотрѣлъ, лишь

какъ на средство исполнить Его волю. И вотъ, когда вскорѣ умерли родители Арсенія и онъ остался наследникомъ богатаго имѣнія, онъ обратилъ свой домъ въ домъ призрѣнія странныхъ и бѣдныхъ. Родные, опасенія которыхъ сбылись, начали уговаривать его бросить свою благотворительность, не расточать накопленнаго родителямъ добра и лучше вступить въ бракъ, жениться на богатой невѣстѣ. Арсеній былъ твердъ и непреклоненъ въ направленіи пути своей жизни, и слѣдствіемъ увѣщанія его родныхъ явилось только то, что онъ поспѣшилъ раздать слугамъ и нищимъ свое имѣніе и твердо рѣшилъ идти въ монастырь. Предъ нимъ только стоялъ вопросъ: „Куда?“ Онъ страстно молилъ Господа указать ему путь. И вотъ однажды ночью во время сна онъ услышалъ голосъ, который повелѣвалъ ему идти въ Кіевъ, въ обитель Пречистой.

Арсеній такъ и сдѣлалъ.

Явившись въ обитель, онъ со слезами на глазахъ разсказалъ настоятелю свою жизнь, повѣдалъ свои стремленія, свой сонъ. Повинуясь волѣ Божіей, настоятель принялъ юношу въ число братіи. Какъ и всякій новоначальный пнокъ, Арсеній исполнялъ разныя послушанія; все онъ дѣлалъ со вниманіемъ, старательно и тщательностью своихъ работъ обращалъ на себя вниманіе старшихъ пноковъ. Немало удивлялись они и тому, что онъ отдавалъ мало времени сну, проводя большую часть ночи за молитвой. Мало-по-малу слава о молодомъ лаврскомъ пнокѣ начала распространяться по Кіеву. Дошла она и до жившаго тогда въ Кіевѣ митрополита Кипріяна. Онъ приблизилъ къ себѣ Арсенія и посвятилъ его въ іеродіакона. Вскорѣ Киприанъ сдѣлался митрополитомъ всей Руси и долженъ былъ отправиться въ Москву, которая стала послѣ этого подвѣдомственной его паптырскому руководству. Но митрополиту нуженъ былъ умный дѣловитый человекъ, который смогъ бы вѣдать письменныя дѣла всей митрополіи. Выборъ Кипріяна остановился на Арсеніи.

Въ Москвѣ также обратили вниманіе на іеродіакона, пріѣхавшаго съ Киприаномъ. И такая извѣстность подготовила Арсенію то высокое положеніе, занять которое судилъ ему Богъ. Въ 1390 году митрополитъ Макарій былъ приглашенъ тверскимъ княземъ для разбора дѣла мѣстнаго епископа Евфимія. Результатомъ этого разбора было удаленіе Евфимія отъ кафедры. И тутъ же всталъ предъ всѣми вопросъ: „Кому быть тверскимъ епископомъ?“ Князь Михаилъ Александровичъ, приглашавшійся во время разбора дѣла къ завѣдывавшему письменными дѣлами Арсенію, чрезвычайно полюбилъ его за его расторопность, прямоту, честность взглядовъ и правдивость рѣчи. „Миѣ бы Арсенія на епископскій нашъ столъ“, — заявлялъ князь митрополиту. Но когда объ этомъ услышалъ самъ святой, онъ молилъ избавить его отъ такого труднаго и высокаго дѣла. Напрасны были уговоры митрополита. „Я—человѣкъ грѣшный, — говорилъ Арсеній, — не имѣлъ и не имѣю иного желанія, какъ оплакивать свои грѣхи. Потому не принимаю

и сана священническаго; а о епископскомъ грѣшно миѣ и думать“. Боялся особенно святой княжескихъ смуть и раздоровъ, да и участь Евфимія ему казалась не вполне заслуженной. И вотъ, наконецъ, онъ согласился только временно остаться въ Твери, для завѣдыванія дѣлами епархіи. Прибывъ затѣмъ въ Москву, онъ снова просилъ Кипріяна освободить его отъ тяготы епископской власти. Тогда Киприанъ указалъ, что шокъ, прося объ этомъ, не повинуется Богу, указавшему ему черезъ опредѣленіе собора архипастырей истинный путь служенія Собѣ. Тогда святой, наконецъ, повиновался.

Вступая въ управленіе тверской епархіей, Арсеній боялся смуть въ ней и самоволія князя, которое ясно обнаружилось въ случаѣ съ Евфиміемъ. Но покуда княжилъ Михаилъ Александровичъ, котораго боялись подчиненные ему князья, въ епископѣ царилъ миръ; и самимъ поведеніемъ князя Богъ утѣшилъ Арсенія. Въ Никоновской лѣтописи мы встрѣчаемъ записанное слѣдующее сказаніе о постриженіи князя въ иночество святымъ Арсеніемъ. „Уже два года прошло, — говоритъ лѣтописецъ, — какъ Михаилъ отправилъ въ Царыградъ постовъ съ милостынею къ соборной церкви св. Софій и къ патріарху, по своему обычаю. Императоръ и патріархъ приняли и отпустили тверскихъ пословъ съ большою честью; патріархъ отправилъ къ Михаилу своего посла съ иконою страшнаго суда, съ мощами святыхъ, съ честнымъ муромъ. Когда великій князь узналъ, что послы приближаются къ Твери, то велѣлъ имъ войти въ городъ къ вечеру. Ему пришла мысль — встрѣнивъ икону святого мѣста и принявъ благословеніе патріарха, не возвращаться болѣе домой. На другой день утромъ, когда сыновья, другіе князья, бояре и разные люди ждали его съ дѣлами по обычаю управленія, Михаилъ не велѣлъ уже никому входить къ себѣ, а позвалъ одного епископа Арсенія и объявилъ ему о намѣреніи своемъ постричься.

„Князь просилъ о томъ не говорить никому. Посмотря на то, уже по всему городу разнесся слухъ, что князь Михаилъ хочетъ оставить княженіе и постричься въ монахи. Народъ изумился, иные не вѣрили, но все собиралось къ дому князя; бояре и отроки его, склоняясь другъ къ другу, проливали слезы, плакала княгиня, плакали молодые князья... Но, несмотря на все это, князь, простившись съ плакавшими навзрыдь народомъ, смиренно всѣмъ поклонился и пошелъ въ Аванасевъ монастырь. Здѣсь за извѣстную плату выпросился жить у одного монаха. На четвертый день онъ былъ блаженнымъ Арсеніемъ постриженъ подъ именемъ Матфея и спустя восемь дней послѣ этого обряда умеръ“.

Изъ сего мы видимъ, до какой степени благотельно было воздѣйствіе святого на душу суроваго князя, который не могъ ужиться съ прежнимъ епископомъ. Но зато много нужно было трудиться святому для умягченія сердецъ послѣдующихъ князей, которые

подняли стихшіе было внутренніе раздоры. Труды святого въ этомъ дѣлѣ, труды, подкрѣпленные Высшей помощью, не оказались безплодными. Въ 1393 году онъ успѣлъ примирить кашлинскаго князя Василія съ тверскимъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ, такъ что даже сынъ князя Ивана женился на дочери князя Василія. Раздоры все-же не унимались, а росли все болѣе и болѣе, хотя святой усердно „искалъ заблудшихъ и вводилъ въ ограду покаянія“.

Измученный княжескими раздорами, истерзаный сердцемъ, Арсеній не разъ отиравался въ Москву и въ сыновнихъ собесѣдованіяхъ съ митрополитомъ Киприаномъ черпалъ силы. Черпалъ силу и знаніе путей дальнѣйшей своей дѣятельности. Киприанъ утѣшалъ своего ставленника, воздавалъ должное его дѣятельности и особенно почиталъ Арсенія за его усердіе въ построеніи храмовъ Божіихъ. Дѣйствительно, святитель, и утишая княжескіе раздоры, не забывалъ о славіи имени Божія. Еще до 1394 года онъ построилъ нѣсколько храмовъ въ Твери и ея окрестностяхъ и возобновилъ кафедральный соборъ. Въ указанномъ же году онъ избралъ въ 4 верстахъ отъ города Твери, на рѣкѣ Тмакѣ, мѣсто, удобное для обители, выстроилъ здѣсь храмъ въ честь преп. наставниковъ своихъ, Антонія и Феодосія печерскихъ, и устроилъ кельи для братіи. Теперь на этомъ мѣстѣ Желткова обитель. Сюда святитель часто уединялся для богомыслия и молитвы, а чтобы имѣть предъ глазами постоянное напоминаніе о смерти, онъ началъ самъ себя готовить гробъ.

И дѣйствительно, послѣ этого не долго уже текла жизнь святого. Въ февралѣ 1409 года онъ сильно заболѣлъ, а утромъ 2-го марта, окруженный рыдавшими князьями, примирившимися у его одра, боярами и челядниками, онъ мирно отошелъ къ Богу.

Въ 1483 году были открыты нетлѣнные мощи Арсенія, въ 1547 году церковь поставила чтить его память, какъ угоднаго Богу, святого Божія. И дѣйствительно, сей святитель былъ угоденъ Богу, и Богъ и по смерти ревностно оберегалъ славу имени Своего святого, прославивъ его мощи даромъ чудотворенія. На серебряной ракѣ Арсенія изображены семь чудесъ святителя: первое — воскрешеніе рыбака Терентія; второе — дарованіе сына Иоанну Карташу; третье — исцѣленіе протоіерея Алексія, страдавшаго ногами; четвертое — исцѣленіе дѣвпцы Устиніи Головленковой; пятое — спасеніе одного отъ удавленія; шестое — чудо съ покровомъ святого; седьмое — исцѣленіе Григорія и жены его, бывшихъ безъ ума.

Но рукописное описаніе чудесъ, явленныхъ во имя святого Арсенія, сообщаетъ намъ еще объ одномъ чудѣ, не менѣе дивномъ, чѣмъ прежнія. Въ 1637 году въ Твери перестраивался соборный храмъ. Мощи св. Арсенія были временно вынесены и поставлены въ церкви свв. Антонія и Феодосія. И вотъ одинъ шнокъ, по имени Савватій, вошелъ однажды въ этотъ храмъ

въ нетрезвомъ видѣ и заснулъ недалеко отъ раки святителя, проявивъ, такимъ образомъ, грѣховное неуваженіе къ ней. Вдругъ ночью, чувствуетъ онъ, кто его разбудилъ. Раскрывъ глаза, онъ увидѣлъ въ храмѣ яркій свѣтъ. Свѣтъ этотъ исходилъ отъ гробницы святого, и на этой гробницѣ сидѣлъ самъ святой. Савватій въ ужасѣ хотѣлъ бѣжать изъ храма, но вдругъ услышалъ со стороны гробницы грозный голосъ: „Монахъ недостойный! Какъ смѣлъ ты въ нетрезвомъ видѣ входить въ церковь Божію?“ На утро шнока нашли полумертвымъ. Долго проболѣлъ онъ, потомъ исповѣдался игумену въ своемъ грѣхѣ и заповѣдалъ всемъ уклоняться отъ него и относиться къ церкви съ должнымъ благоговѣніемъ.

Разсказанное чудо долго жпло въ памяти народной, передаваясь изъ устъ въ уста, пока не было, наконецъ, запечатлѣно благочестивымъ описателемъ чудесъ святого.

3. Трофимовъ.

Б р а т у.

Кто грядущее тайно укажетъ?
Что насъ каждаго ждетъ впередъ?
Кто — провидецъ — намъ властно укажетъ:
Той иль этой дорогой влѣтъ... П. М.

ИЗЫЙ братъ, заблуждаясь жестоко,
Самонѣніемъ гордымъ объять,
Не кляни, пожалѣй падшихъ братьевъ,
Полюби и прости ихъ, какъ братъ!
Знаешь самъ — сильныхъ въ мірѣ немного:
Милліоны слабѣйшихъ живутъ
Въ тѣмъ невѣжества, жизнью убогой,
И гнететь непосильный ихъ трудъ.
Долго-ль слабому сбиться съ дороги
И слетѣть въ пропасть внизъ головой!..
Какъ судья, неподкупный и строгій,
Братъ, ты камень не брось роковой!
Отъ стыда, отъ позора стораж,
Онъ участія тешлаго ждетъ,
Самъ, быть можетъ, объ этомъ не зная;
И дорогой несчастій идетъ.
Пожалѣй! Имъ вѣдь тяжело живется,
Пожалѣй, какъ жалѣешь казѣкъ:
Въ самомъ худшемъ изъ насъ сердце бьется.
Самый худшій изъ насъ — человекъ!..
Молоть жизни тяжелой, ужасный —
Исковеркалъ людей, изломалъ...
Братъ, они вѣдь глубоко-несчастны!..
Не проклятыя достойны, кто палъ,
Не проклятыя, мой другъ, — сожалѣнья
И жинвой и горячей любви:
Протяни ему руку прощенья,
Сердце лаской любви оживи.
Какъ пвѣты животворной весной
Подъ тепломъ благодатныхъ лучей
Зацвѣтаютъ живую красую,
Оживеть онъ подъ лаской твоей.
И, обвѣяна словомъ привѣта,
Вдругъ воспрянетъ больная душа.
Теплымъ братскимъ участіемъ согрѣта,
Жаждой жизни прекрасной дыша,
Какъ растение чахлое, къ свѣту
Вновь потянется жаждою она.
Засверкаетъ подъ солнцемъ огнями,
Какъ жемчужина съ темнаго дна...
П. Морозовъ.

БѢГСТВО СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА ИЗЪ ДАМАСКА.
(ДѢЯН. XI. 23—25. — Къ стр. 142.)

ЦЕРКОВНЫЯ нестроенія теперь стали настолько очевидными и несомнѣнными, что отрицать ихъ или стоять за прежній порядокъ и въ общемъ, и въ частностяхъ представляется совершенно невозможнымъ.

Многое придется перемѣнить и даже поставить на новыхъ началахъ.

Какъ только подъ давленіемъ событій ослабѣли ремни и веревки чиновничьяго строя въ церковной жизни, все полѣзло врозь, каждый только за себя говорить и за себя отвѣчаетъ.

На первый планъ стали такъ называемые общіе вопросы. Прежде всего захотѣли починить крышу, начать съ верховъ, и эту именно задачу особенно настойчиво предлагали будущему помѣстному собору. Быть можетъ, въ этомъ отразился общій характеръ начавшагося движенія.

Но русская церковь не первый разъ на дорогѣ реформы. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и распаденіе помѣщичьяго быта рѣзко и круто измѣнили матеріальное положеніе духовенства и его обезпеченіе, волей-неволей пришлось заново обдумать новыя условія жизни и такъ или иначе къ нимъ приспособиться.

Тогда въ первую голову пошла мысль о выборномъ началѣ въ жизни и дѣятельности духовенства. Въ то время это было очень „новымъ словомъ“ какъ для общества, такъ и для духовенства, хотя, конечно, были для этого образцы и примѣры въ далекой старинѣ, которые совсѣмъ-то никогда не забывались.

Правда, и въ шестидесятыхъ годахъ выборное начало примѣнялось не къ фундаменту, не къ самому приходу, который всегда остается на своемъ мѣстѣ, а только къ такъ называемому бѣлому духовенству, которое прежде было разобщено еще больше, чѣмъ теперь.

Дѣло шло не о выборахъ приходомъ членовъ своего причта, — что, впрочемъ, не было бы и новостью, такъ какъ вполне соответствуетъ христіанскому понятію о строѣ церковной жизни, — а только о выборѣ духовенствомъ должностныхъ лицъ, которые были бы посредникомъ между мѣстнымъ духовенствомъ и епархіальною властью.

Тогда больше, чѣмъ теперь, хотя и теперь этого много, — чуть не всѣ дѣла, большія и маленькія, дѣлались консисторію и въ консисторіи, которая вѣдала всѣмъ духовенствомъ епархіи. Консисторія, конечно, была и будетъ чиновничьимъ приказомъ, который на всѣ дѣла епархіальныхъ приходовъ смотритъ сверху внизъ и отнюдь не считается ни съ людьми, ни съ обстоятельствами.

Прежде, чѣмъ останавливаться на подробностяхъ движенія духовенства того времени въ этомъ направ-

леніи, которое съ тѣхъ поръ совсѣмъ уже никогда не прекращалось, хотя и встрѣчале на своей дорогѣ не мало препятствій, — отмѣтимъ то обстоятельство, что, повидимому, въ настоящее время многіе представители современнаго духовенства не торопятся вернуться на старую дорогу, чтобы шагъ за шагомъ идти по ней дальше къ конечной цѣли, но ищутъ совершенно новыхъ путей, чтобы каждый, непосредственно выѣшиваясь въ общественную жизнь, дѣйствовалъ какъ самостоятельный и во всѣхъ отношеніяхъ независимый членъ общества. Вотъ почему и начинаютъ обыкновенно сверху.

А это едва ли будетъ прочно. Доказательства въ пользу выборнаго начала во внутреннемъ устройствѣ жизни духовенства не потеряли своей силы и въ настоящее время. Они имѣли въ виду постоянное духовное общеніе духовенства, совмѣстную работу въ постановкѣ всего дѣла, возможное единодушіе и единомысліе въ дѣлахъ вѣры и церковной практики. При выборахъ, наиримѣръ, въ благочинные духовенство лучше узнавало своихъ сочленовъ и училось цѣнить достоинства тѣхъ или другихъ лицъ.

Противъ выборовъ раздавались голоса и тогда. Въ 1866 году митрополитъ московскій Филаретъ въ мысли о выборѣ благочинныхъ увидѣлъ только проявленіе „русской способности и склонности перенять чужое“.

„Съ нѣкотораго времени, — говоритъ онъ, — громко проповѣдуются и на дѣлѣ распространяются гласность и выборное начало. Духовенство видитъ и говоритъ: „Намъ надобны гласность и выборное начало“.

Это, конечно, совсѣмъ не такъ. Выборное начало для русской церкви начало не „чужое“. Поповскіе старосты, которые до Петра I исполняли обязанности благочинныхъ, избирались самимъ духовенствомъ. Скорѣе „чужимъ“ для русскаго духовенства была отмѣна выборовъ, разобщеніе причтовъ и въ причтѣ и полное отрѣшеніе отъ суда и вліянія въ своей собственной средѣ.

Какъ синодальное вѣдомство при Синодѣ, такъ и консисторія при епархіальныхъ епископахъ — становились великимъ и совершенно ненужнымъ „средостѣніемъ“ въ общеніи высшихъ и низшихъ чиновъ духовной іерархіи, замедляли и тормозили естественное и здоровое развитіе духовной жизни, раскидывали дѣятелей на общей нивѣ въ разныя стороны и создавали условія общаго застоя и разрозненности.

Какъ ни велико тлетворное вліяніе этого искусственнаго разъединенія духовныхъ силъ и дѣятелей, оно, послѣ многихъ и многихъ лѣтъ господства, своей цѣли до конца не достигло. Память о самоуправленіи и свободѣ христіанской общины не умирала и умереть не могла. Ее подновляло постоянно уже старообрядчество, которое никогда далеко не уходило отъ жизни и не прерывало постояннаго общенія между вѣрующими.

Теперь, конечно, бояться словъ: „гласность, выборное начало, самоуправленіе“ — нечего. Становится оче-

видными, что другой дороги нѣтъ, что церковь именно тогда и сблизилась съ настоящей дорогой, когда отказалась отъ своей свободы, въ которой вся ея жизнь и вся ея сила.

Всѣ „средостѣнія“, которыя вѣками сохранялись въ нашей гражданской жизни, которыя пылью бумагъ осыпали всякое живое дѣло и живое начіе паніе, гораздо сложнѣе и устойчивѣе, чѣмъ „средостѣнія“ въ церковной жизни. Здѣсь чужое всегда казалось чужимъ и въ жизнь не входило, какъ временная несправда, временное испытаніе и полного добровольнаго признанія себѣ не находило. Въ неслѣдъ порой разгорались и сверкали искорки. И онѣ еще могутъ разгорѣться живымъ огнемъ, разъ именно къ этому будутъ направлены усилія всѣхъ, кому дорога свобода вѣры и совѣсти каждой христіанской общины.

Но, надо правду сказать, эти начала и эти понятія проникли еще неглубоко. Пусть у духовенства въ этой области есть уже свой опытъ, пусть ему много разъ приходилось думать и заботиться о призрѣніи вдовъ и сиротъ, отыскивались мѣры и средства для обезпеченія больныхъ и старыхъ, пусть ему была открыта нѣкоторая возможность дѣятельности въ жизни духовно-учебныхъ заведеній, — но этого еще слишкомъ мало, и новыя условія жизни принудительно заставляютъ сто идти дальше, а не останавливаться на полпути.

Вполнѣ естественно, что на первыхъ порахъ голоса отдѣльныхъ представителей духовенства — разбились, зазвучали слишкомъ несогласно и разнообразно. Это отрывка чиновничьихъ порядковъ въ церкви. Ошибки и разладицы каждому бросаются въ глаза, — и что удивительнаго въ томъ, если многіе почувствовали себя великими преобразователями и предлагаютъ каждый свой и по своему — планы?

Но это естественно и допустимо только на первыхъ порахъ. Возможно, что и среди духовныхъ лицъ найдутся выдающіеся государственные умы, горячіе сторонники опредѣленныхъ политическихъ программъ, убѣжденные и, со временемъ, опытные политическіе дѣятели. Но это вопроса отнюдь не рѣшающаго. Имъ, этимъ исключительно-талантливымъ людямъ, по ихъ способностямъ свое поприще дѣятельности, и тамъ за себя только сами они и въ отвѣтъ.

Но и у cadaго изъ нихъ есть еще свое особое дѣло, дѣло церковной свободы, но непременно на почвѣ общаго соглашенія, общихъ началъ жизни.

Строго говоря, дорога для духовенства достаточно намѣчена какъ недавнимъ историческимъ опытомъ, такъ и естественными условіями жизни.

Пойдетъ ли оно по ней, выработавъ при общихъ условіяхъ опредѣленный складъ понятій и убѣжденій и опредѣленный типъ русскаго христіанскаго пастыря, или же распадется на части и партіи, утративъ общія и родовенныя черты?

И здѣсь самое важное: останется ли оно въ своемъ

раздѣленіи, или въ своемъ единствѣ — обособленнымъ отъ остальнаго населенія, огражденнымъ отъ него исключительностью своего положенія и своихъ интересовъ, сословностью своего состава, или сойдется съ нимъ въ дружной и общей жизни, выдѣляясь только особымъ призваніемъ къ этому виду общественнаго служенія?

Олегъ.

Впередъ.

(Посвящается Павлу Александровичу Смирнову.)

УСТЬ даль грядущаго темна
И мраченъ небосводъ,
Пусть труденъ путь и ночь черна,—
Или смѣль въпередъ!

Пусть давитъ зло и мгла царить,
Борьба за жизнь трудна,—
Но путь твой вѣра озаритъ,
И станетъ нѣтъ ясна!..

Повѣрь, мой другъ, ненастья гнѣтъ

Разсѣется тогда—

Свободно грудь твоя вздохнетъ,

Въ борьбѣ съ бѣдой тверда!..

Владиміръ Рябовъ-Бѣльскій.

Къ народнымъ преданіямъ о таинственныхъ личностяхъ.

(Окончаніе).

ЛЕГЕНДА о превращеніи Императора Александра I въ старца Теодора Кузьмича на этомъ не останавливается. Она идетъ дальше и заставляетъ его супругу императрицу Елисавету Алексѣевну раздѣлять участь супруга.

Въ Новгородскомъ Сырковомъ монастырѣ подвизалась и схоронена таинственная личность — попечительница Вѣры Александрова.

Она появилась въ 1834 году въ Тихвинѣ подъ видомъ странницы и 25 лѣтъ вплоть до смерти провела въ полномъ молчаніи. Тайну ея знала, кажется, лишь графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, знаменитая своимъ благочестіемъ и усердіемъ къ „Божьимъ людямъ“ и весьма приближенная ко двору.

Существуетъ ея портретъ въ гробу, и лица съ сильнымъ воображеніемъ утверждаютъ, что между этимъ изображеніемъ и портретомъ императрицы значительное сходство.

Ходили слухи, что въ высшихъ сферахъ Петербурга начинаютъ интересоваться личностью Вѣры Александровны и что въ Петербургѣ отъ мѣстныхъ властей были затребованы фотографіи и немногихъ, оставшихся послѣ Вѣры Александровны, вещей.

Одинъ москвичъ сообщилъ мнѣ крайне интересныя данныя о другой таинственной личности, въ которой онъ склоненъ видѣть одно и то же лицо съ Вѣрой Александровной, но въ болѣе раннюю пору.

Кончина императрицы Елисаветы Алексѣевны окружена таинственностью. Она скончалась скоропостижно, въ городѣ Бѣлевѣ, Тульской губерніи, по дорогѣ въ Петербургъ.

Самыя обстоятельства ея смерти необыкновенны.

Для остановки ея былъ приготовленъ домъ. Въ назначенный часъ къ дому прискакало нѣсколько возковъ, и изъ передняго изъ нихъ вынесли на рукахъ закутанную даму. Былъ вытребованъ священникъ, исповѣдавшій большую глухую неповѣдью. Вскорѣ затѣмъ стало пзвѣстно, что въ этомъ домѣ скончалась императрица Елизавета Алексѣевна, скоропостижно занемогшая.

Даже въ высшихъ помѣщичьихъ кругахъ ходило мнѣніе, что эта смерть была тоже фиктивная и что императрица—миная вдова—подражала подвигу своего много-умершаго супруга. Какъ отголосокъ одной изъ версій этой легенды привожу очень интересное письмо, мною полученное.

„У насъ живетъ сейчасъ старушка няня (одна изъ теперь уже рѣдкихъ нянь добраго стараго времени), поступившая къ намъ 38 лѣтъ назадъ. Ей сейчасъ, какъ можно судить по ея рассказамъ, лѣтъ около 80—82. Дочь двороваго, она родилась въ имѣніи Солнцева, селѣ Троицкомъ, лежавшемъ верстахъ въ 10-ти отъ гор. Лебедяни, по въ предѣлахъ Тульской губерніи. Оставшись з лѣтъ сиротой, она была взята своей барыней, тогда уже вдовой, Екатериной Михайловной Солнцевой, въ барскій домъ, въ дѣвичью. Здѣсь няня, Марья Павловна, воспиталась, выросла и жила приблизительно до 1862 г., когда, приписанная къ мѣщанскому сословію г. Тулы, она переѣхала въ Москву и поступила къ намъ.

„За долгое время своего пребыванія въ барскомъ домѣ Марья Павловна, конечно, много слышала рассказовъ про старицу (напр., о „французѣ“) и сама многое узнала и видѣла. Вотъ этими воспоминаніями о слышанномъ и видѣнномъ няня любитъ дѣлиться съ нами и охотно рассказываетъ про прежнее житье-бытье.

„Между прочимъ, она вспоминаетъ про одну странницу, которая приходила къ ея барынь. Я слышалъ отъ нея рассказъ объ этомъ уже не разъ, но какъ-то мало обращать на него вниманія. Когда же въ іюнѣ этого года я купилъ вашу книгу „Русскіе подвижники XIX вѣка“ и прочелъ тамъ свѣдѣнія о жизни молчальницы Вѣры Александровны, то тогда же подумалъ, не про эту ли странницу рассказывала мнѣ няня. Но на этомъ и остановилось мое предположеніе.

„Вчера я рѣшилъ опять переспросить у Маріи Павловны о странницѣ, и вотъ что она мнѣ сообщила. Привожу приблизительно ея собственный рассказъ:

„Хаживала къ нашей барынь, Екатерины Михайловны, одна странница и, должно быть, изъ высокопоставленныхъ, а нѣкоторые говорили, что даже изъ царской фамиліи. Приходила она черезъ годъ, а то

черезъ два; была она роста высокаго и собой такая стройная и красивая; на видъ ей было лѣтъ 30—35, а сама я была тогда еще дѣвченка лѣтъ 14. Одѣвалась она во все черное: и платье черное, и пальто черное шелковое; на головѣ шапочка, сверху платкомъ покрыта; съ собою носила сумку кожаную, вотъ такую вотъ (при этомъ М. П. показала руками пространство, приблизительно равное половинѣ квадр. аршина и высотой около 4 вершк.); въ этой сумкѣ лежало у ней бѣлье и посуда разная, а сумка была претяжелая.

„Придетъ, бывало, лакею скажетъ, а барыня сейчасъ велитъ принять. Отведутъ ей комнату и дѣвушку назначать за ней ходить. Ну, и живетъ она у насъ двѣ недѣли, а то и больше; мяса никогда не кушала, а все рыбное; и подавали ей въ ея комнату, а то иногда съ барыней кушала. Если бывали гости, то она къ гостямъ выходила. А понадобится ей деньги, сейчасъ напишетъ въ Петербургъ; оттуда съ нарочнымъ присылали.

„А одинъ разъ, въ половодье, гнались за ней мужики съ палками; думали, у ней деньги есть; она отъ нихъ долго бѣжала; встрѣтилась съ нашими крестьянами; тѣ ее узнали, отбили отъ мужиковъ и къ намъ привезли всю мокрую, избитую. Тутъ она разболѣлась. Наша положила ее въ своей спальнѣ и все за ней ходила. Бывалъ у насъ докторъ Штейнгардтъ; такъ онъ на это время къ намъ переѣхалъ; все ее лечилъ.

„Барыня давала знать въ Петербургъ; оттуда привѣжали два раза навѣщать. Одинъ разъ прискакали на курьерскихъ такъ скоро, что даже лошадей загнали.

„Проболѣла она мѣсяца два, а какъ выздоровѣла опять ушла. Была у ней какая-то бумага, по которой ей вездѣ проходъ былъ“.

„На мой вопросъ, сколько разъ странница приходила, няня сказала: „При мнѣ раза три и до меня бывала; про это старія дѣвушки говорили. А потомъ пропала; такъ больше и не приходила“.

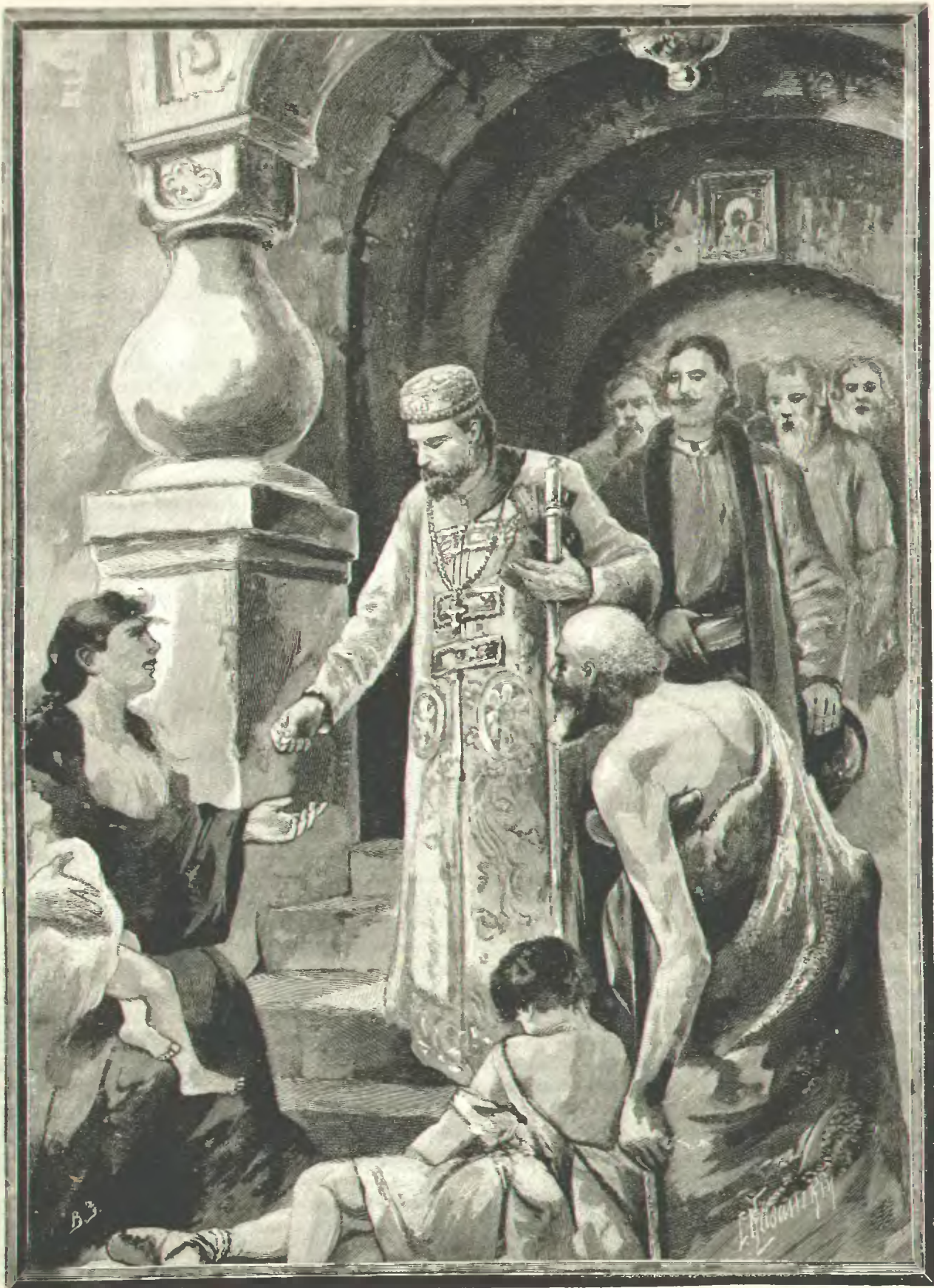
„Насколько эти свѣдѣнія могутъ относиться къ Вѣрѣ Александровнѣ, и есть ли Вѣра Александровна и эта странница одно лицо, я не берусь рѣшать, но думаю, что не съ этой ли странницей связана легенда, о которой вы сообщили, такъ какъ странница появилась въ Тульской губ., гдѣ, по легендѣ, и исчезла императрица; все же вышеприведенное въ рассказѣ можно, думаю, отнести къ 1830—35 годамъ.

„Очень жаль, что у меня нѣтъ изображенія молчальницы Вѣры Александровны. Увидавъ его, няня, можетъ быть, и могла бы сказать, похожа ли она (молчальница) на ту странницу.

„Такъ какъ изъ вашей книги я узналъ, что личностью Вѣры Александровны интересуются, то я полагаю, что, сообщивъ вамъ эти свѣдѣнія, я, можетъ быть, хотя въ очень, конечно, малой степени, могу помочь ея выясненію“.

Вотъ еще новыя данныя по всей этой запутанной исторіи...

Е. Поселянинъ.

КАРТИНЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ.—КНЯЖЕСКАЯ МИЛОСТЫНЯ
(Рисунок С. Казанского).

Изъ памятной книжки россиянина.

ОРОГАЯ Русь! Какъ много выпало на твою долю горя и нужды! Какъ много, — охъ, какъ много, — ты извѣдала бѣдствій и страданій!..

Такъ сердце и обливается кровью, какъ вспомнишь про твое неутѣшительное былое, про твое страдальческое прошлое! Нѣтъ, памъ не забыть, никогда не забыть, какъ ты, Святая Русь, изнемогала подѣ суровымъ игомъ грубыхъ татарскыхъ полчищъ, подѣ тяжелымъ гнетомъ княжескихъ междоусобій! А смутное время, ужасныя болѣзни, голодь, а эти самозванцы и твои враги-завистники — о, какъ все это терзало твое сердце!

Забыть ли камъ твои невзгоды!.. До гробовой доски они будутъ тревожить наше сердце. Да, пока въ нашей груди трепещетъ сердце, мы будемъ болѣть твоими пережитыми ранами. Будемъ болѣть и въ то же время несказанно удивляться: какъ это немилосердно на тебя обрушившіяся бѣдствія еще не стерли тебя, дорогая Отчизна, съ лица земли?! Какъ ты осталась еще жива послѣ опустошительной бури и грозы!? Да что тамъ „жива“!.. Ты только крѣпла, мужала и „на полсвѣта разстлалася“ отъ этихъ ударовъ, жестокихъ ударовъ судьбы!

Мы удивляемся твоей выносливости, родная Русь, но, кажется, и понимаемъ причину ея.

Ты богата нравственной мощью. Въ тебѣ скрываются несметныя залежи добра. Ты горишь пламенемъ вѣры. Но кто же не знаетъ, что добродѣтель совершенствуется при страданіи! Что религіозный огонекъ тухнетъ безъ громовыхъ сердечныхъ тучъ! Вѣдь довольство жизнью кого не сдѣлаегъ безчувственнымъ и порочнымъ! Какъ часто тѣ, кто не проходилъ суровой школы скорбей, забываются и погружаются въ тину нравственнаго разложенія!

Въ горькія минуты устремляла ты свой взоръ къ Небу. Ты въ покаянномъ вонлѣ склоняла выю передъ Тѣмъ, Кто милуетъ всѣхъ кающихся. Въ тяжелыя минуты нигдѣ не искала ты защиты, какъ только у Престола Божія!

Часть и слава тебѣ, Русь терпѣливая что при несчастіи ты не падала духомъ, не приходила въ безотрадное отчаяніе! Честь и слава тебѣ, Русь выносливая, что въ то время, какъ сердце твое обливалось слезами, искра Божія разгоралась въ тебѣ яркимъ пламенемъ!

Какъ звѣзды на небѣ въ зимнюю ясную морозную ночь, заискрилось въ тебѣ особенно много свѣтильниковъ подвига въ періодъ бѣдствій. Прославляй этихъ самоотверженныхъ труженниковъ, которые шли къ тебѣ и съ словомъ утѣшенія, и съ словомъ одобренія. Они своей строгой жизнью, своей любовью, добрымъ примѣромъ, задушевымъ, ласковымъ словомъ помогали тебѣ терпѣливо пить горькую чашу. Прославляй громче,

дорогая, православная Русь, этихъ угодниковъ Божіихъ, которые, еще живя на землѣ, простилась съ радостями и удовольствіями свѣта, презрѣли и тѣбную славу, и человѣческія почести, постоянно горѣли молитвой, всегда горѣли бесѣдой съ Создателемъ и учили тебя тому же подвигу!

Ихъ высокое самоотверженіе укрѣпляло тебя въ вѣрѣ и покорности воли Божіей, не допускало обременять твою душу тяжелымъ грузомъ грѣха.

Величай же во всеуслышаніе своихъ угѣнителей! Вѣдь ихъ недостойнъ весь міръ! Изъ-за любви къ тебѣ они мѣняли пшоческую мантию на воинскіе доспѣхи, оставляли спасительную пустынь и смѣлой ногой шли на поле брани!..

Ублажай тѣхъ, кто безстрашно умреть, лишь бы ты была жива! Кто съ поразительнымъ самоотверженіемъ, не боясь суроваго заточенія и смерти, говорилъ горькую правду даже царямъ.

И въ настоящіе скорбные дни, когда твое сердце раздирается на части отъ всѣхъ смуть и волнений, охватившихъ тебя, ищи себѣ защиты у этихъ праведниковъ! Они и теперь живы. Они, безъ сомнѣнія, радуются твоей радостью, но и болѣютъ твоимъ горемъ!

Не забывай теперь своихъ покровителей! Наслаждаясь небесной радостью, они близки къ Богу и помогутъ тебѣ въ тяжелые дни! Проси у нихъ помощи и той звучной во славу ихъ хвалебныя пѣсни!

Пою! Прославляй своихъ защитниковъ! Прославляй громче! Они помогутъ тебѣ!..

Н. Кузьминъ.

По поводу одного письма.

В ПОСЛѢДНЕЕ время въ редакцію всё чаще и чаще стали поступать письма, представляющія отклики на разныя статьи, напечатанныя въ журналѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, большинство писемъ затрогиваетъ „гражданскіе мотивы“ — ту великую смуту, которая внесена въ русскіе умы манифестомъ 17-го октября. Вотъ ужъ подлинно, что этотъ государственнй актъ „легло на паденіе и на возстаніе многихъ“...

Казалось, что, по крайней мѣрѣ, тѣ люди, которые до сихъ поръ говорили, что они „не отъ міра сего“, что весь смыслъ ихъ жизни составляетъ исканіе „грядущаго града Божія“, — равнодушно отнесутся къ вопросамъ политическимъ. Но и здѣсь вышло совѣмъ не то... И потому, что безучастное отношеніе къ общественной жизни по существу дѣла немислимо, и потому, что ревнители „грядущаго града Божія“, заявлявшие о своемъ безучастіи къ интересамъ „тѣбнаго міра“, — только говорили объ этомъ, а въ действительности и думали, и дѣлали что-то другое. Вѣдь нельзя же не видѣть, что политика проникла даже въ наше богослуженіе. Даже литургія, свѣтѣнное пѣніе священниковъ

установленій, проникнута идеей самодержавія, покоряющаго подъ ногу свою всякаго врага и супостата. А вотъ о „трудящихся и обремененныхъ“ слышится что-то очень рѣдко. Развѣ это не политика?

Намъ кажется, что это самая дипломатическая политика, такъ какъ она насаждаетъ идею не простымъ словомъ увѣщанія, а именемъ Божиимъ, и не въ обыденномъ мѣстѣ, а въ „домѣ Божіемъ“.

О томъ, что и церковная проповѣдь проникнута политикой, едва ли нужно и говорить: во имя Божіе здѣсь благословляются распоряженія властей, и призываются вѣрующіе къ безусловному повиновенію всякой власти, и всякая власть провозглашается проявленіемъ власти Божественной, причемъ слова ап. Павла „нѣсть бо власть аще не отъ Бога“ предлагаются, какъ нѣчто само въ себѣ очевидное, не требующее никакихъ разъясненій. Развѣ это не политика?

Одинъ почтенный церковный дѣятель, глубокоувѣрующій христіанинъ, у котораго слово очень мало расходилось съ дѣломъ, однажды сказалъ намъ:

— Удивительное дѣло: освящаютъ воду... читаютъ молитвы на освященіе воды; но вотъ доходить дѣло до самаго центрального мѣста, до погруженія въ воду Животворящаго Креста, и—поютъ: „Спаси Господи, люди Твоя... побѣды на сопротивныя“ и проч. и проч. Ни одного слова нѣтъ ни о Крестѣ, ни о водѣ. И это называется: „тропарь... Кресту“! или „тропарь на освященіе воды“!

Дѣйствительно, нѣтъ ни слова ни о Крестѣ, ни о водѣ. Зато опять-таки въ нѣкоторомъ родѣ политика...

Христіаннигъ могъ бы ничего не имѣть даже противъ нѣкотораго излишка политикъ, если бы она была *христіанская* т. е. основанная на правдѣ Христовой. Но увы, она далеко не всегда была такой: она звала народъ повиноваться, но не звала властей не посягать на извращеніе правды; она грозила народу гнѣвомъ Божественнымъ и въ этой, и въ будущей жизни за неповиновеніе, но не грозила правителямъ за ихъ беззаконія, за попраніе завѣтовъ евангельскихъ. О митрополитахъ Филиппахъ, безбоязненно громившихъ беззаконіе передъ лицомъ царей, мы что-то не слышали уже давненько.

Къ этому мы привыкли. И вдругъ — манифестъ 17-го октября... И, Боже! Какъ прискорбно, какъ тяжело, когда видишь, что люди, которые должны бы ревностно въсѣхъ другихъ постоять за правду Христову, сбѣгутъ отъ этой правды и мѣняютъ свои права христіанскаго первородства на чечевичную похлебку!

Многимъ, конечно, извѣстно, что среди современныхъ церковныхъ дѣятелей теперь образовалось новое теченіе, которое поставило своей задачей освободить церковь, провозвѣстницу правды Христовой, отъ припавности передъ мірской властью, которая въ своихъ распоряженіяхъ часто идетъ въ разрѣзъ съ христіанскими идеалами, ревнуя не о благѣ „трудящихся и обремененныхъ“, а о своей своей собственной

жизни. Но это теченіе пока слабо. Прочной организаціи для этой цѣли нѣтъ. Есть почти только единичныя попытки, которыя, конечно, могутъ легко разбиться о равнодушіе и безучастіе общества...

Зато противная сторона, осужденная пробудившимся общественнымъ самосознаніемъ и на время было притаившаяся въ послѣдніе мѣсяцы проявляетъ такую силу, которая должна устрашить всякаго ревнителя правды Божіей въ жизни человѣчества. И опять-таки прискорбно особенно то, что въ рядахъ этихъ дѣятелей насчитывается очень и очень много людей изъ той среды, которая въ основу всей своей жизни желала бы положить начала христіанскія.

Въ очень многихъ случаяхъ это нисколько не удивительно, такъ какъ мало ли у насъ людей, которые только прикрываются христіанствомъ! Въ лицемѣрїи и н фарисействѣ никогда вѣдь не было недостатка. Но поистинѣ очень удивительно, когда въ числѣ противниковъ правопорядка и законности видишь такихъ людей, которые желаютъ искренно служить Христу, — когда убѣждаешься, что самыя очевидныя истины справедливости по какому-то недомыслию объявляются не только беззаконіемъ, но и антихристіанствомъ.

Въ этомъ отношеніи особенно характерно одно письмо. Написано оно искренно и прямолинейно. Авторъ, видно, пишетъ именно то, что думаетъ. Его имя намъ извѣстно, и мы не называемъ автора только потому, что таково его личное желаніе, выраженное имъ въ отвѣтъ на наше письмо.

Авторъ отозвался ближе всего по поводу нашей статьи: „Ложный патриотизмъ“ (№ 51 за 1905 г.). И прежде всего онъ протестуетъ противъ того, что „воззванія“ въ „Моск. Вѣд.“, приглашающія разныхъ „истинно-русскихъ“ людей объединяться для... борьбы, были названы „гниеными“. На этотъ протестъ можно было бы и не отвѣчать, такъ какъ вѣдь не мы же употребляли такое названіе, какъ „гниенный“: это взято для эпиграфа изъ газеты „Слово“, газеты очень „умѣренной“.

А затѣмъ протестъ противъ „непризванныхъ строителей земли русской“... Очень жаль, что авторъ полагаетъ, будто для того, чтобы быть „призваннымъ“, нужно заручиться „указомъ“, „приказомъ“, „предписаніемъ“ и т. п. Некогда вѣковъ на Русь были „призваннымъ“ къ „строительству“ государственныхъ дѣлъ тѣ, которыхъ призывалъ народъ. Извѣстно, что народъ призывалъ даже самихъ князей и обязывалъ ихъ блюсти правду народную разными договорами; а когда князья поступали вопреки его волѣ, онъ указывалъ имъ путь на всѣ четыре стороны. Авторъ, очевидно, этого не знаетъ, какъ не знаетъ и того, что во всѣхъ культурныхъ странахъ, гдѣ уважается право человѣческой личности—этого „образа и подобія Божія“ въ чловѣкѣ, — „призваннымъ“ строителями государственной жизни считаются и являются тѣ лица, которыхъ „призываетъ“ народъ... Оттого тамъ измѣнники отечества,

распитители народнаго благосостоянія, посягатели на чужое добро, грабители и насильники караются по закону, а не украшаются орденами и не обезпечиваются многотысячными пенсіями, составляемыми изъ трудовъ, кровавыхъ народныхъ копѣекъ.

„Напрасно упрекать насъ, якобы мы защищаемъ старыя порядки“,—говоритъ авторъ.—Итъ,—кажется намъ,—совсѣмъ не „напрасно“. Вы, дѣйствительно, защищали эти „старыя“ безбожныя порядки. Вы отождествляли дѣло Божіе и людское. Вы договорились даже до того (какъ Филаретъ, еп. московскій), что все чиновначіе властителей земныхъ приравнивали къ чиновначію небесному („Бог. Вѣстн.“, декабрь, 1906 г., ст. г. Попова). Слабымъ и беззащитнымъ вы говорили: „повинуйтесь!“, а сильныхъ міра сего благословляли во всѣхъ ихъ дѣлахъ, не считаясь съ тѣмъ, согласны ли эти дѣла съ правдой Христовой, или нѣтъ. Такъ защищалось, какъ иѣчто неприкосновенное, крѣпостное право, т. е. рабство, такъ еще недавно всякая мысль о конституціи проклиналась, какъ измѣна Богу, такъ... охъ, нужно было бы писать цѣлые томы, чтобы перечислить все то, что защищалось во имя Божіе, но вопреки правды Божіей...

Что кровавая революція недостойна христіанина, такъ какъ въ корнѣ нарушаетъ завѣтъ христіанской любви,—это безспорно. Но многимъ ли лучше тѣ порядки, при которыхъ самыя безвредныя сторонники народнаго блага гибли въ тюрьмахъ, народъ погрязалъ во тьмѣ, нищетѣ и невѣжествѣ, цѣлыя губерніи пухли отъ голода,—такіе, словомъ, порядки, при которыхъ все Евангеліе Христово „приспособлялось“ къ текущимъ событіямъ въ угоду властителямъ! Развѣ это меньшее преступленіе, чѣмъ революція? Революція унесла тысячи жизней—это вѣрно, но вѣдь старыя порядки унесли милліоны.

Пора же, наконецъ, всѣмъ людямъ, желающимъ жить во имя Христово, защищать политику только христіанскую. А предъ такой политикой старыя порядки нисколько не лучше, чѣмъ ужасы революціи.

Въ заключеніе авторъ пишетъ: „Вы красно ратуете за дѣло русскаго мужика, а знаете ли хорошо мужика?“ Хорошо или нѣтъ—вопросъ, конечно, небезспорный, хотя думается, что знаемъ хорошо. Скажемъ и то, что для знакомства съ мнѣшiemъ „мужика“ нужно поговорить съ нимъ „по-хорошему“. Вѣдь и въ храмѣ Божіемъ, и въ волостномъ правленіи, и на мірскомъ сходѣ, и передъ земскимъ начальникомъ, и въ школѣ—онъ слышалъ до сихъ поръ только то, что ему говорила одна сторона. Не удивляйтесь же, если онъ кажется непонятливымъ. Онъ наслушался вѣсками только одного, но не слышалъ другого. А если и слышалъ это другое, то оно, это „другое“, всегда старались ему представить чѣмъ-то грѣшнымъ, преступнымъ, антихристіанскимъ. Естественно потому, что до поры до времени онъ только повторялъ чужое мнѣніе, чужой отзывъ.

Но вотъ вѣчная истина: людямъ, которыхъ сжи-

гали на крестахъ, впоследствии нерѣдко поклонялись. Эта истина приложима и къ идеаламъ государственнымъ. Почему это цѣлыя столѣтія „мужикъ“ и въ храмѣ, и въ школѣ, и на сходѣ мы твердили одно, а появились новые люди, поговорили съ нимъ день-другой,—и онъ заговорилъ по-иному, и не только заговорилъ, но и подиался цѣлыми уѣздами?

Объ этомъ стоитъ подумать...

Но не будемъ голословны. У насъ есть Ваше письмо, въ которомъ Вы выражаете увѣренность, что „знаете мужика“. Однако же у насъ есть цѣлыя десятки и другихъ писемъ, въ которыхъ авторы—„мужики“ пишутъ совсѣмъ не то, что Вы. Привести все эти письма нѣтъ возможности, но чтобы Вы не подумали, что мы говоримъ за „мужиковъ“ отъ себя, позволимъ себѣ привести одно, представляющее иѣчто въ родѣ „общественнаго приговора“. Опускаемъ въ письмѣ только то, что могло бы дать читателю поводъ подумать, будто мы стремимся выставить похвалы на показъ. Вотъ это письмо:

Мы прочитали въ Воскресенской волостной библиотекѣ №№ 44, 46 и 48 Вашего уважаемаго журнала. Статьи: «Будемъ вѣрить», «Кому вѣрить?» и «Царь и рабъ», написанныя... (указаны авторы). Онѣ искренно коснулись нашихъ угнетенныхъ сердецъ. Желательно было бы побольше такихъ статей для открытія свѣта передъ глазами простаго, темнаго народа. За высказанную Вами правоту мы искренно душевно приносимъ великую благодарность журналу «Р. Паломникъ» и авторамъ и просимъ ихъ еще писать подобныя статьи для просвѣщенія народа, угнетенаго въ селахъ и деревняхъ.

Подписуемся гражданами с. Воскресенскаго, Вольскаго уѣзда, Саратовской губерніи:

Иванъ Семеновъ Ханукинъ, Иванъ Алексѣевъ Трофимовъ, Иванъ А. Шейнъ, Федоръ А. Шейнъ, Алексѣй Шейнъ, Петръ Красиковъ, Федоръ Ивановъ, Иванъ Блохинъ, Сергѣй Е. Блохинъ, Михаилъ Зининъ, Петръ Ледневъ, Егоръ Титавъ, Яковъ Ивановъ Болт—овъ (неразборчиво), Василій Чушковъ.

Правда ли, г. корреспондентъ, что Вы „знаете мужика“?

И. Θεодоровскій.

Къ портретамъ и рисункамъ.

Протоіерей А. И. Сперанскій.

Прошлаго января, въ 27-й день, Богу угодно было призвать къ Себѣ въ вѣчныя обители одного изъ достойнѣйшихъ пастырей православной церкви — настоятеля Смоленскаго кладбища въ Петербургѣ, протоіерея отца Алексѣя Ивановича Сперанскаго. Отецъ Алексѣй былъ особымъ избранныкомъ Божиимъ, потеря котораго тяжела не только для того прихода, гдѣ онъ служилъ, не только для тѣхъ лицъ, которыя его знали, но и для всего обще-церковнаго дѣла, которому отдалъ свои силы почившій пастырь.

Отецъ Алексѣй соединялъ въ себѣ рѣдкія качества добраго пастыря и усерднаго труженика, безиредѣльно преданнаго святому дѣлу и высоко державшаго знамя православной церковности. Священный санъ онъ оберегалъ въ продолженіе двадцати пяти-лѣтняго своего служенія, какъ величайшую святыню, и такъ твердо держался вѣковыхъ устоевъ русской церковности, что ему прискорбно было даже слышать о такихъ новизнахъ, хотя бы и «мелочныхъ», вліявшихъ въ области церковной жизни, какъ світые рисы, стрижка волосъ, борода, посѣщеніе мірскихъ вѣдущихъ и развлеченій и проч.

Молодой по годамъ, но старей по разуму, о. Алексѣй былъ вѣрнымъ хранителемъ святоотеческаго преданія. Преподобный Кириллъ,

ни. Гдовский, въ короткихъ словахъ характеризова жизнь и труды почившаго, отметилъ, что одни въ течение своей многолѣтней жизни дѣлаютъ немного добра, другіе же въ немногіе годы дѣлаютъ добра много. Почившій принадлежалъ къ числу этихъ «другихъ». Онъ зналъ цѣну здѣшней кратковременной жизни и усердно снѣмалъ работать на Божьей нивѣ, расчищая себѣ широкій и свободный путь въ вѣчность, чтобы услышать радостный призывъ Создателя: «Види въ радость Господа твоего».

Родиной о. Алексѣя была Калужская губерція, связь съ которой онъ сохранялъ до послѣднихъ дней своей жизни. Въ особенности онъ любилъ вспоминать про Оптину пустынь и устрещенію блаженнымъ старцемъ Амвросіемъ Шаморанскимъ женскую общину.

По окончаніи академическаго образованія въ 1880 году, о. Алексѣй первоначально былъ законоучителемъ въ Исковской губерніи, затѣмъ, спустя два года, перемѣненъ въ Петербургъ, въ Демидовскій домъ трудолюбивъ, откуда въ 1887 году поступилъ на должность младшаго священника на Васильевскій островъ, въ соборъ св. апостола Андрея Первозваннаго. Вотъ съ этого года и открылось широкое поле для благотворной дѣятельности о. Алексѣя.

Примерно добрый настоятель Андреевскаго собора отецъ Іоаннъ Покровский далъ полную свободу отцу Алексѣю во всѣхъ его благодѣйствіяхъ. Благолѣпіе богослуженія, установленіе академическаго, болѣе точное выполненіе устава относительно чтенія канониковъ и канонизмъ (которыя иногда онъ и самъ читалъ), строгій надзоръ за благотворительными учрежденіями, состоящими въ вѣдѣніи Андреевскаго попечительства, въ богослужебныхъ въ церкви бесѣды и проч.— вотъ куда были направлены заботы о. Алексѣя. Но главное— о. Алексѣй съ первыхъ же дней пребыванія въ Андреевскомъ приходѣ привнесъ къ себѣ прихожанъ и всѣхъ богомольцевъ. Служить ли гдѣ онъ, отиравалъ ли требу, велъ ли собесѣдованіе, преподавалъ ли урокъ въ учебномъ заведеніи, или просто къ кому заходилъ по дѣлу,—ведѣ какое-то благотворное дѣйствіе производилъ почившій, какъ будто особую атмосферу вносили этотъ добрый пастырь въ то общество или то собраніе, гдѣ онъ появлялся. Слова: «отецъ Алексѣй», «отецъ Алексѣй», при его появленіи переходили изъ устъ въ уста.

Помимо дѣятельности по приходскимъ благотворительнымъ учрежденіямъ, о. Алексѣй принималъ участіе и въ дѣятельности общенародной, а также состоялъ преподавателемъ въ историко-филологическомъ институтѣ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Цѣны заслуги о. Алексѣя, митрополитъ Палладій назначилъ его ключаремъ Исаакіевскаго собора. Но этотъ переходъ не принесъ о. Алексѣю тѣхъ радостей, на которыя онъ въ правѣ былъ рассчитывать, какъ пастырь. Прихожане повиноваго нивъ прихода были люди простые, но глубоко вѣрующіе и сердечно признательные о. Алексѣю за каждое доброе его слово. Тамъ, т. е. въ Андреевскомъ соборѣ, о. Алексѣй зналъ только своего настоятеля, здѣсь же, на новомъ мѣстѣ, ему приходилось имѣть дѣло съ нѣкоторыми вліятельными лицами, какъ церковными, такъ и мірскими. О. Алексѣю съ его прямою по ведѣ можно было говорить, что чувствовалось: нужно было «приспособляться», гдѣ что нужно сказать и гдѣ привлечь поможеть. Домъ торговца Андреевскаго рынка и домъ аристократа Англійской набережной (Исаакіевскаго прихода) не одно и то же. И хотя настоятели собора, какъ о. Петръ Смирновъ, такъ и о. Іоаннъ Соболевъ относились къ нему съ такою же любовью, какъ и настоятель Андреевскаго собора, но о. Алексѣй чувствовалъ желаніе найти для себя такое поприще, гдѣ бы онъ могъ во всѣхъ своихъ дѣятельныхъ не стѣсняться никакими сторонними вліяніями.

Въ 1893 году онъ назначается настоятелемъ Смоленскаго кладбищенскаго церкви, и это назначеніе дало ему возможность самостоятельно дѣйствовать на пользу церкви. Началась его упорная и пло-

дотворная работа. Сдѣлавшись самостоятельнымъ хозяиномъ Смоленскаго кладбища, онъ сразу взялся чуть ли не за цѣлый десятокъ сложныхъ дѣлъ и обязанностей.

Не имѣя возможности перечислить многочисленныя и разнообразныя труды почившаго, остановимся хотя на нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся, увѣковѣчившихъ его память. Первымъ его дѣломъ было— построеніе величественнаго новаго храма Воскресенія Христова. Говоримъ: «величественнаго» не потому, что этотъ храмъ обширенъ, но потому, что по красотѣ и оригинальности своей архитектуры онъ выделяется изъ всѣхъ петербургскихъ церквей; даже въ Москвѣ, богатой многочисленными храмами, немного можно найти церквей подобнаго стиля. — такъ называемая *Нарышкинскаго* (XVI—XVII вв.) *. Проектъ и самая постройка храма были исполнены архитекторомъ Демяновскимъ. Храмъ Воскресенія Христова имѣетъ два предѣла въ честь иконы Божьей Матери «Утоли моя печали» и въ память «Всѣхъ святыхъ». Визу нодъ храмомъ устроены мѣста для погребенія покойниковъ. Иконы этого храма исполнены известнымъ академикомъ Новоскольцевымъ. Вся постройка храма обошлась въ дѣлѣ тысячъ рублей.

Окончивъ востроеніемъ Воскресенскій храмъ, неутомимый труженикъ о. Алексѣй обратилъ вниманіе на обветшавшій второй кладбищенскій храмъ Пресвятыя Троицы, который по тщательному осмотру грозилъ паденіемъ верхнихъ частей. Работы, начатыя по перестройкѣ и возобновленію этого храма въ 1904 г., въ прошломъ 1905 году вчера были окончены, но Богъ не судилъ о. Алексѣю дожидаться вѣдлага торжества освященія второго храма.

О. Алексѣй устроилъ также каменную часовню надъ могилкой блаженной Кесіи и установилъ очередное служеніе здѣсь наизидѣ.

Но не только своимъ строительствомъ оставилъ по себѣ добрую память о. Алексѣй: прежде всего онъ былъ добрый и отзывчивый на все доброе человекъ, вполне заслуженно снискавшій себѣ любовь и уваженіе отъ всѣхъ, съ кѣмъ приходилось ему сталкиваться въ частномъ знакомствѣ или по дѣламъ пастырской практики. И добрымъ словомъ помянуть его всѣ, узнавшіе о его копчнѣ, — этой «безвременной» копчнѣ. Почившій былъ одушевленъ еще очень многими и разнообразными задачами на пользу св. церкви, но Господь отозвалъ его отъ земныхъ трудовъ въ Свси обители. И «блаженъ путь, въ онъ же идетъ душа его!» Вѣчный покой тебѣ, добрый пастырь, сердечный человекъ и неутомимый труженикъ!

И. А. Конобѣвскій.

Ап. Павелъ въ Дамаскѣ. (Дѣян. Гл. 1—25).

Ап. Павелъ, какъ извѣстно, былъ прежде гонителемъ церкви Христовой и даже участвовалъ, хотя и не активно, въ казни первомученика Стефана. Яростный гонитель Савлъ—тогдашнее имя ап. Павла— въ этой казни увидѣлъ словно призывъ Бога къ дальнѣйшему гоненію христіанъ и, отправившись къ іерусалимскому первосвященнику, умолялъ посылать его преслѣдовать церковь въ Дамаскѣ.

Облеченный чрезвычайными полномочіями, Савлъ съ великою радостью направлялся въ Дамаскѣ, но на пути былъ разумленъ и въ Дамаскѣ прибылъ уже слѣпой христіаниномъ. Но іудей, жившій въ этомъ Дамаскѣ, ничего не знали о такой перемѣнѣ, происшедшей въ этомъ фанатикѣ ихъ религіи, и надѣялись видѣть въ прибывшемъ, хотя и ослѣпшемъ, Савлѣ сильнаго покровителя въ угнетеніи христіанъ. Они ожидали преслѣдованія, казни, — каково же было ихъ изумленіе, когда Савлъ, вслѣдствіи прішедшимъ къ нему по указанію Божію Ананій, началъ проповѣдывать Христа распятаго!

* По вѣднности храмъ Воскресенія Христова имѣетъ много общаго съ соборомъ Богоявленскаго монастыря въ Москвѣ.

ПРОТОІЕРЕЙ А. И. СПЕРАНСКІЙ.
(Скончался 27 января 1906 года).